УДК 316.74:001

ИНТУИЦИЯ КАК ИСТОЧНИК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Киселев Сергей Васильевич,
Министерство внутренней и информационной политики Ростовской области,
главный специалист отдела социально-политического мониторинга и анализа,
кандидат социологических наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: naukaRGU@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена исследованию структурных компонентов интуиции как источника формирования мировоззренческих и гносеологических ориентаций членов социума и научного сообщества. Выделяется значение интуиции в целостно-единовременном соединении многоаспектных компонентов чувственно-интеллектуального восприятия объектов исследования.

Ключевые понятия:
интуиция,
рациональный вывод,
чувственно-интеллектуальное,
инновации.

Одним из кардинальных вопросов теории познания является установление истинности наших суждений исходя из представлений, основанных либо на знании, выведенном из предшествующих положений, либо на информации, полученной в непосредственно данном (умозрительном) опыте ее обобщения. В связи с более исследованным содержанием логически обоснованного знания в настоящей работе представляется актуальным выявление структурных характеристик чувственно-обобщаемых (интуитивных) научно-мировоззренческих представлений при формировании познавательных и социальных установок индивидов.

Известно, что складывающиеся представления об окружающем мире осуществляются на основе двух путей познания – на основе рассудочного анализа субъектом наблюдаемых явлений и в форме интуитивного обобщения. В первом случае речь идет о формализуемом и последовательно выводимом из предшествующих оснований знании. Во втором случае имеется в виду целостный охват основных аспектов наблюдаемых и обобщаемых в последующем развитии явлений без их предварительной структурной дифференциации.

Классическим выражением рационально обоснованного знания является вывод из логических умозаключений, позволяющих приходить к закономерным следствиям из исходных посылок (например, 2×2=4). В отличие от интуиции, которая приходит безотчетно, математики, по выражению А. Пуанкаре, «конструируют» в рассудочном анализе все более сложные сочетания оперируемых в символической форме явлений, «раскрывают отношения этих элементов и выводят отсюда отношения самих совокупностей» [10, с. 20].

Обычным выражением интуитивно обобщаемых знаний выступает непрерывный процесс самовоспроизводства впечатлений-образов субъекта относительно предметных явлений (вещей), например, вербальная фиксация качеств увиденного цветка: «роза красная, колючая, благоухающая».

Достоверность рациональных суждений определяется посредством проверок на их непротиворечивое согласование с истинным положением вещей. Достоверность интуитивных обобщений подтверждается самоочевидностью воспроизводимых в чувственно-интеллектуальном опыте вещей для последующего сравнения с наличным знанием. При этом недостатки рационального типа познания в отдельных случаях могут опро-

вергать достоверность строго обоснованных умозаключений, как в случае с доказательством 2×2=5, используемом [см. 2, с. 43–44] в качестве примера математических игр, в которых преобразуемые действия с переменными приводят к указанному равенству, подтверждая вывод, что «доказанное не всегда есть истинное» [2, с. 44].

Недостатки интуитивно предъявленного знания основаны на субъективном опыте их получения конкретным человеком, соотносящего интеллектуально-чувственные образы вещей с ментальными особенностями личности. Однако самоочевидные истины признаются в качестве таковых лишь при воспроизводстве индивидуального опыта в коллективной проверке получаемых и сходным образом воздействующих на людей данных. В этой связи Б. Рассел предложил различение интуитивных суждений как ощущений и как памяти в отношении самоудостоверяемых явлений, фиксируемых субъектом в прямом опыте наблюдения [11, с. 94] .

Интуиция, таким образом, выходит за рамки нормативного заданного (унифицированного) обозначения явления в исчерпывающих характеристиках его понятийного определения, соединяя через личный опыт познания субъекта с миром вещей. При этом личная достоверность наблюдаемого и отображаемого в социальной коммуникации знания должна преодолеть пространство его субъективного производства, поскольку «имеется только один человек, который может быть знаком с ментальными вещами или чувственными данными <...>, никакой факт о конкретной существующей вещи не может быть самоочевиден больше чем одному человеку» [11, с. 109]. Явления, чувственно-воспринимаемые одним человеком, чей опыт наблюдения или последующей ретрансляции разделяют другие люди, получают статус достоверного суждения при наличии сведений о данном предмете как материальном факте. Как, например, в случае суждения «роза благоухает» мы признаем, что имеем дело не с грезами сентиментального субъекта, находящегося во власти своих ассоциаций, а с четко подтверждаемым процессом выделения ароматных веществ данным растением.

Однако привязка к конкретным условиям чувственно-интеллектуального опыта познания не может быть единственным основанием достоверного знания. Как справедливо отмечает Б. Рассел, «если бы наши сны, ночь за ночью, были столь же согласованы, как ситуации, имеющие место днем, мы вряд ли могли бы решить, во что верить больше» [11, с. 107]. Ч.С. Пирс также обращает внимание на трудность отделения сновидений от яви, имеющих кажущуюся достоверность, «не обусловленную предыдущим познанием» [8, с. 24].

Но ведь образы романтической поэзии и языка метафор (близких фантазиям сновидений), основанные на художественно-символическом возвышении над обыденной «прозой жизни», не могут представляться иллюзорными фантомами в социальном познании. Ведь воздействие «выдуманных» образов и чувственных впечатлений не кажется менее убедительным, чем публицистика документального повествования для заинтересованной аудитории. То есть по отношению к некоторому классу явлений их достоверность подтверждается не только в опыте физического восприятия субъектом, но и реальностью их существования как истинно рассматриваемых явлений в общественном сознании.

На это убеждение коллективной веры в манипуляции с самоочевидными истинами обращает внимание Л. Витгенштейн при анализе речевых конструкций «знать» и «быть уверенным» [3, с. 324], некорректное замещение которых предъявляется нередко без нужного подтверждения. Возникающая в таких ситуациях подмена удостоверяемых явлений, как и в случае суждения, что «2×2=4 – истинное предложение арифметики – причем не «в определенных случаях», а «всегда», как справедливо указывает Л. Витгенштейн, «обретает свой смысл только в употреблении» [3, с. 324], преследуя цели, маскируемые субъектом речевого действия. Но, как отмечалось выше, опровержение суждения, что 2×2=4 как истинного для всех случаев его рассмотрения, достигается рационально обоснованным доказательством.

Существование консервативных структур коллективного опыта в рационально обоснованном познании обеспечивает, с одной стороны, преемственность преобразования данных, подтвержденных опытным путем, для их последующей систематизации. С другой стороны, нормативно-шаблонные барьеры устоявшихся научных и мировоззренческих представлений порождают самоограничения методологии познания. Именно они создают самовоспроизводство смыслов в опредмечивании бытия. Возникающая при этом инерция использования понятийного аппарата обусловлена издержками рассудочных критериев анализа, поскольку, как справедливо отметил Хайдег-

гер, «всякий разум, превратившись меж тем в ratio, претерпел свое лжеистолкование», когда под «каркасом суждения <…> человек переносит на строение самой вещи тот способ, каким он, высказывая суждения, схватывает вещи» [14, с. 59, 58]. Суждения, выстраиваемые из исходных посылок, приводят к противоречиям познания, когда «истолкование, исконно вынужденное двигаться в понятном и в нем находить пользу для себя <…> движется в кругу самого обычного знания мира и людей», удерживая субъекта в пространстве методологии «порочного круга» («culus vitiosus») [15, с. 14], в котором познание обосновывается способом его организации.

Разделяющий взгляды М. Хайдеггера Г.Г. Гадамер также обращает внимание на проблемные аспекты возвратно-поступательного движения вывода нового знания из его предварительных допущений, связывая перспективы преодоления «порочного круга» со встречной критикой восприятия. Для этого, по его мнению, необходимо для оценки достоверности сообщаемого знания дополнение триады вопрошания «Что? Где? Когда?» четвертым элементом: «При каких обстоятельствах?» [4, с. 17–18].

С ним солидарен Г. Саймон, полемизирующий с позицией Платона (выраженной в его диалоге «Менон»), затрудняющегося «объяснить, каким образом нам удается найти или распознать ответ задачи, если только мы не знаем его заранее» [12, с. 131]. Он не усматривает здесь противоречия, поскольку постановка исследовательской задачи осуществляется через «описание ее решения в терминах состояния; от нас же требуется найти последовательность процессов, преобразующих исходное состояние в состояние – цель» [12, с. 131]. Однако при многоуровневых (отличных от линейного представления) проекциях вещного бытия и задач познания ракурсы их рассмотрения получают дискретное (прерывисто-скачкообразное) структурирование новых явлений, требующих не расчлененного (аналитического), а целостно-единовременного (интуитивного) охвата.

Р.Л. Солсо, подробно останавливающийся на феноменологии восприятия и оперирования субъектом зрительными образами окружающей среды, ссылается [13, с. 81] на пример самоанализа проекций окружающих вещей в личностном мировосприятии. «Я стою у окна и вижу дом, деревья, небо. Теоретически я мог бы здесь все подсчитать и сказать: «здесь ...327 градаций яркости и оттенков» Разве я вижу «327»? Нет, я вижу небо, дом, деревья; никто не может видеть эти «327» как таковые. Более того, если в этом странном подсчете отнести на счет дома, скажем, 120, на счет деревьев – 90, и на счет неба – 17, то я во всяком случае буду иметь дело с этим сочетанием, с этой отдельностью, а не скажем, со 127, 100 и 100 или 150 и 177. Я вижу все это в данном конкретном сочетании или единстве, при котором я вижу» [13, с. 81]. Далее при рассмотрении множащихся ракурсов внутреннего умозрения предметных сочетаний, порождающих новые виртуальные образы, автор замечает, как «обнаруживается – под влиянием какой-нибудь нереальной установки, что вот эта часть оконной рамы вместе с какой-нибудь ровной веткой дерева составляют букву N» [13, с. 81].

Именно так происходит наслоение интуитивно улавливаемых сущностей, причудливым образом сочетающихся и образующих новые предметно-вещные отношения на основании ассоциативных идей в экзистенциальном воображении субъекта, переносимых затем в материально измеримый мир рационально очерченных понятий. Данный пример лишь подтверждает наблюдение М. Хайдеггера об интуитивно-чувственном образовании феноменов путем отражения вещей в умозрительных проекциях субъекта, сплетающих таким образом инновации мироздания. Путь проникновения к высшему («затворяющемуся») бытию сущего М. Хайдеггер связывает с нахождением особого зазора между сферой идейно-сущностного и земного знания: «посреди сущего в целом бытийствует открытое место. Это просвет. Если мыслить его, исходя из сущего, то он бытийственнее всего сущего» [14, с. 85]. Происходящее здесь соединение интуитивного видения многообразия вещей, с процедурами их рациональной проверки ведет к соприкосновению в сознании материального и идеального содержания бытия. В итоге на новом витке самоорганизации сознания происходит возврат к «наизначальнейшему познанию» с удержанием опыта озарений знания a priori» [15, с. 15].

Именно эти цели репрезентации многоаспектного содержания вещей, достигаемые в сбалансированном сочетании чувственно-интеллектуального (интуитивного) восприятия и рационально-выводимого (упорядочивающего) сознания, характеризуют подлинно научный подход к открытию новых сущностей познания. Ученого от любознательного обывателя отличает только более тонко выстроенный инструментарий

анализа явлений, интуитивно выделяемых в умозрительных проекциях часто еще непроявленных аспектов бытия. По справедливому наблюдению М. Вебера, обобщившего мнения экспертов, «дилетант отличается от специалиста <…> только тем, что ему не хватает надежности рабочего метода, и поэтому он большей частью не в состоянии проверить значение внезапно возникшей догадки, оценить ее и провести в жизнь» [1, с. 131]. В основе таких научно обоснованных методов исследования находятся принципы верификации инновационных структур знания. Прочность же научных выводов должна обеспечиваться проверкой «теории проб и ошибок – предположений и опровержений», когда «мы сами активно пытаемся налагать регулярности на мир, пытаемся обнаружить в вещах сходные черты и интерпретировать их на основе законов, изобретенных нами» [9, с. 4].

Движение в этом направлении определяют согласованные подходы рационального поиска и проверки интуитивно открываемых инноваций, на ведущее значение которых обратил внимание Т. Кун при анализе парадигм научного знания. По его мнению, процесс, ведущий к «открытию или изобретению новой теории <…> с неизбежностью интуитивный, находится за пределами границ философии науки и иррелевантен вопросу о научной объективности» [6, с. 67]. Ведь при наличии тенденций к стандартизации исследовательского поиска, определяемого «общим алгоритмом, о котором обычно помышляли философы <…>, все дисциплинированные ученые приходили бы к одному и тому же решению в одно и то же время» [6, с. 74]. Т. Кун исходит из того, что проявления интуитивного видения (чувственного мышления) «по образцам» (подобиям) обусловлены традицией чувственно обрабатываемых восприятий, обеспечивающих набор экзистенциальных приоритетов и исследовательской онтологии не только в научных сообществах, но и на уровне рутинных оценок. С этим связано ключевое значение окружающей среды и ее творческих раздражителей, способствующих формированию личностной интуиции и инерции коллективной матрицы познания, поскольку «члены группы, будь то целая цивилизация или сообщество специалистов, включенное в нее, обучаются видеть одни и те же вещи, получая одни и те же стимулы» [5, с. 288].

На стимулы развития интуиции как механизма адекватного реагирования на вызовы среды обращает внимание М. Вебер при обращении к побудительным основаниям вдохновения не только у представителей науки, но и предприимчивых людей. «Коммерсанту или крупному промышленнику без «коммерческой фантазии», то есть без выдумки – гениальной выдумки, – лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений» [1, с. 132]. И хотя усиление рациональности мышления является одной из базовых характеристик современного общества, главным условием научных прорывов остается предугадывание векторов формирования инновационных знаний. Воображение ученого определяет возможность выйти за рамки общеизвестных представлений. Вместе с рациональными процедурами разрешения противоречий оно способствует гибкости структур мышления, опережающих, по мнению И. Лакатоса, «регистрацию фактов, которые должны быть помещены в эти матрицы» [7, с. 158].

В этом отношении актуальным направлением научного поиска остается задача раскрытия механизма интуитивного рассмотрения в анализе (сравнении) и синтезе (обобщении) опознаваемых и вводимых в оборот инновационных представлений о мироздании. Без выяснения структуры формируемых образов и взаимосвязи чувственно-эмоциональных, рассудочно-систематизирующих, художественно-эстетических и иных пространств экзистенциального самовыражения субъекта не может быть понято существо природы мыслящего человека, границы личностных возможностей его самореализации и восхождения на новые уровни раскрытия тайн бытия.

1. Вебер, М. Наука как призвание и профессия [Текст] / М. Вебер // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. 336 с.

2. Ветренко, И.А. Социально-исторический статус игры: философский анализ [Текст] / И.А. Ветренко. Омск: Изд-во «Прогресс» ОмИПП. 2003. 136 с.

3. Витгенштейн, Л. О достоверности [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы: в 2 ч. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

4. Гадамер, Г.Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г.Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. 367 с.

5. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. М.: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003. 365 с.

6. Кун, Т. Объективные, ценностные суждения и выбор теории [Текст] / Т. Кун // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос, 1996. 400 с.

7. Лакатос, И. Фальсификация и методология исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос // Методология исследовательских программ. М.: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.

8. Пирс, Ч.С. Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку [Текст] / Ч.С. Пирс // Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
9. Поппер, К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания [Текст] / К.Р. Поппер. М: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.
10. Пуанкаре, А. О науке [Текст] / А. Пуанкаре. М.: Наука, 1983. 560 с.
11. Рассел, Б. Проблемы философии [Текст] / Б. Рассел // Избранные труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. 260 с.
12. Саймон, Г. Науки об искусственном [Текст] / Г. Саймон. М.: Едиториал, 2004. 44 с.
13. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология [Текст] / Р.Л. Солсо. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
14. Хайдеггер, М. Исток художественного творения [Текст] / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
15. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.

1. Veber, M. Nauka kak prizvanie i professija [Tekst] / M. Veber // Samosoznanie evropejskoj kul'tury HH veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshhestve. M.: Politizdat, 1991. 336 s. (Russian).
2. Vetrenko, I.A. Social'no-istoricheskij status igry: filosofskij analiz [Tekst] / I.A. Vetrenko. Omsk: Izd-vo «Progress» OmIPP. 2003. 136 s. (Russian).
3. Vitgenshtejn, L. O dostovernosti [Tekst] / L. Vitgenshtejn // Filosofskie raboty: v 2 ch. Ch. I. M.: Gnozis, 1994. 612 s. (Russian).
4. Gadamer, G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Tekst] / G.-G. Gadamer. M.: Iskusstvo, 1991. 367 s. (Russian).
5. Kun, T. Struktura nauchnyh revoljucij [Tekst] / T. Kun. M.: OOO «Izd-vo AST», ZAO NPP «Ermak», 2003. 365 s. (Russian).
6. Kun, T. Ob#ektivnye, cennostnye suzhdenija i vybor teorii [Tekst] / T. Kun // Sovremennaja filosofija nauki: znanie, racional'nost', cennosti v trudah myslitelej Zapada. M.: Logos, 1996. 400 s. (Russian).
7. Lakatos, I. Fal'sifikacija i metodologija issledovatel'skih programm [Tekst] / I. Lakatos // Metodologija issledovatel'skih programm. M.: OOO «Izd-vo AST», ZAO NPP «Ermak», 2003. 380 s. (Russian).
8. Pirs, Ch.S. Voprosy otnositel'no nekotoryh sposobnostej, pripisyvaemyh cheloveku [Tekst] / Ch.S. Pirs // Izbrannye filosofskie proizvedenija. M.: Logos, 2000. 448 s. (Russian).
9. Popper, K.R. Predpolozhenija i oproverzhenija: rost nauchnogo znanija [Tekst] / K.R. Popper. M: OOO «Izd-vo AST», ZAO NPP «Ermak», 2004. 638 s. (Russian).
10. Puankare, A. O nauke [Tekst] / A. Puankare. M.: Nauka, 1983. 560 s. (Russian).
11. Rassel, B. Problemy filosofii [Tekst] / B. Rassel // Izbrannye trudy. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2009. 260 s. (Russian).
12. Sajmon, G. Nauki ob iskusstvennom [Tekst] / G. Sajmon. M.: Editorial, 2004. 44 s. (Russian).
13. Solso, R.L. Kognitivnaja psihologija [Tekst] / R.L. Solso. SPb.: Piter, 2006. 589 s. (Russian).
14. Hajdegger, M. Istok hudozhestvennogo tvorenija [Tekst] / M. Hajdegger // Raboty i razmyshlenija raznyh let. M.: Gnozis, 1993. 464 s. (Russian).
15. Hajdegger, M. Bytie i vremja [Tekst] / M. Hajdegger // Raboty i razmyshlenija raznyh let. M.: Gnozis, 1993. 464 s. (Russian).

UDC 316.74:001

INTUITION AS A SOURCE OF WORLD OUTLOOK POLICIES AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Kiselev Sergey Vasilievich,
Ministry of Internal and Informational Policy of the Rostov Region,
Department of Social and Political Monitoring and Analysis,
Main Specialist,
Candidate of Sociological Sciences,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: naukaRGU@yandex.ru

Annotation
The article is devoted to the research of structural components of intuition as a source of formation of world outlook and gnoseological orientations of members of the society and scientific community. Value of intuition is marked out in complete and single connection of multidimensional components of sensual and intellectual perception of objects of research.

Key concepts:
intuition,
rational conclusion,
sensual and intellectual,
innovations.